

что в настоящее время представление о том, что такие книги, как Первая книга Еноха, книга Юбилеев и др., имеют эссеистское происхождение, является сильно устаревшим, а такое утверждение использовалось автором в качестве одного из основных аргументов.

Кроме того, у Кернса не было доступа к полным критическим изданиям греческой и еврейской версий книги Сираха, которые вышли значительно позднее, а учитывая специфику исследования, это тоже сильно снижает значимость его труда для современных ученых. Фактически он опирался только на список разночтений, составленный одним из первых исследователей книги Сираха Р. Смендом в приложении к его комментарию 1906 г. Сирийским языком он, видимо, вообще не владел и пользовался латинским переводом с сирийского, изданным еще в 1657 г.

Интересно, что в 1996 г. в университете Страсбурга на факультете протестантского богословия Т. Леграном была защищена диссертация на тему «Книга Сираха: текстологические и богословские проблемы расширенной версии»². В ней автор в результате анализа всех доступных источников приходит, в общем, к тому же выводу, что и Кернс. Другой современный исследователь Э. Пюш в одной из своих статей считает это очень спорным.

Несмотря на все отмеченные недостатки, можно сказать, что данная книга имеет большое значение для современной библеистики и заслуживает внимания со стороны всех исследователей книги Сираха.

*И. А. Хангиреев
(ПСТГУ)*

Символ. Журнал христианской культуры, основанный в 1979 году Славянской библиотекой в Париже. Париж; М., 2010. № 58. 448 с.

Очередной (58-й) номер журнала «Символ», посвященный сиро-арабской проблематике в рамках комплекса научно-религиоведческих дисциплин, связанных с восточным христианством, носит в полном смысле слова междисциплинарный характер. Здесь представлен не только сугубо христиановедческий спектр интересов, но и широкий кросскультурный подход, что придает сборнику особую актуальность. Это отмечается и во вводной статье, где сделан акцент на относительность тех пространственных концепций Запада и Востока, которые слишком часто и уверенно овеществляются не только в популяризаторской, но и в специальной литературе. «Само движение путешественника, смещающее горизонт, порой побуждало осознавать, что “Западом” может быть и Персия (добавим от себя — даже Туркестан, если смотреть на него глазами уроженца Поднебесной империи. — Т. К.), а “Востоком” — то, что мы сейчас назвали бы сердцем Европы» (с. 3). Столетиями зона распространения сирийского языка, которой позд-

² *Legrand Th. Le Siracide. Problèmes textuels et théologiques de la recension longue. Strasbourg, 1996.*

нее предстояло превратиться в территориальное ядро арабского мира, служила перекрестком, на котором встречались цивилизационные веяния со всех концов Старого Света. Сами сирийцы, в особенности их восточная ветвь (условно «ассирийцы-несториане») и подвергшиеся аккультурации во взаимодействии с ними иранцы, тюрки, индийцы сыграли ключевую роль в этих контактах и создали широчайшую сеть духовно-культурного обмена, покрывшую огромные просторы Евразии. Доказательства ее существования многочисленны — от открытой еще иезуитами XVII в. в Китае знаменитой стелы Сиань-фу до повествования о миссии раббан Саумы, клирика-монгола, который в качестве посланника «католикоса-турка» Ябалахи III и чингисидского владыки Ирана Аргун-хана предстал коллегии кардиналов в Риме с изложением «восточного вероисповедания», а католическим монархам Запада — с ильханским ярлыком.

Более тесными, но в то же время более конфликтными стали подобные контакты, когда Северная Африка и Западная Азия оказались объединены под единой властью халифов — «преемников» основателя ислама, Мухаммада, чей язык очень быстро (по историческим меркам) восторжествовал почти по всей ближневосточной ойкумене как средство общения элит не только мусульманского, но и иудейского и христианских социумов; синхронным образом его разговорные диалекты скоро поглотили арамейские наречия сирийцев и евреев, а также коптский. Жадно впитывая в себя новые реалии, активно вырабатывая новую лексику, приспособляясь для передачи новых идей, арабский язык вскоре принял на себя функции универсального инструмента коммуникации и в восточнохристианской среде, которая оказалась за пределами досягаемости официального Константинополя (как халкидонитской, так и нехалкидонитской). Многоразличным аспектам (так сказать, фасеткам) этой коммуникации и посвящены работы, объединенные в данном номере — *Syriaca et Arabica*, который продолжает линии исследования, намеченные в предшествующих публикациях той же серии.

Выпуск состоит из шести тематических разделов, первый из которых («Конфессиональное многообразие») открывает общая статья А. Трейгера об арабском христианстве, слагающаяся из двух частей. Этот исторический очерк покрывает такие проблемы, как распространение евангельского учения в Аравии до ислама (здесь же рассматриваются новейшие интерпретации свидетельств Корана относительно «назарян»), последствия экспансии Халифата для ближневосточных церквей и их прихожан, судьбы арабов-христиан в VII–XIX вв. и на современном этапе — в XX и начале XXI в. Обзор арабо-христианской литературы рассматривает переводы с греческого и других языков, богословие и полемику, философию и такие жанры, как библейская экзегетика, агиография, летописание, поэзия и записки путешественников. Следующий по порядку материал, представленный Н. Селезневым, посвящен «экуменической» судьбе арабоязычного трактата «Книга общности веры» (между тремя основными направлениями сирийского христианства), вышедшего из-под пера яковита Али ал-Арфади, но сохранившегося в обработке известного несторианского богослова Илии ал-Джаухари, митрополита Иерусалимского. Вслед за источниковедческим экскурсом (который выявляет смутность имеющихся на данный момент датировок для сочине-

ния ал-Арфади — от IX до XI в.) дается впервые осуществляемое критическое издание оригинала в графике каршуни, а также русский перевод.

Следующий раздел («Исламская культура: взаимосвязи») содержит публикации, тематически связанные с взаимодействием двух крупнейших монотеистических традиций мира. В статье А. Смирнова рассматриваются интерпретации христианской образности в суфийском и исмаилитском направлениях исламской мысли, представленных соответственно их крупнейшими теоретиками — Мухйи-д-Дином ибн ал-Араби и Хамид ад-Дином ал-Кирмани. Исследование Д. Бумажнова демонстрирует мутации, которые проходил популярный фольклорный мотив беседы с мертвой головой, пересекая межкультурные барьеры и адаптируясь к различным типам духовности. Статья сопровождается подборкой переводов соответствующих фрагментов, в числе которых — выдержки из «Апофтегм» св. Макария Египетского, «Оживления наук о вере» Абу Хамида ал-Газали и толкования ал-Муртады аз-Забиди,opus псевдо-Газали, «Светильник царей» ат-Туртуши и «История аввы Арсения», с хронологическим разбросом от IV–V до XVII–XVIII вв. С. Минов прослеживает некоторые из восточных изводов иудео-христианских антропогенетических преданий, с выделением основной, мусульманской, линии, которая, по его мысли, и повлияла на славянскую версию. Он сосредотачивает свое внимание на «Сказании о том, как сотворил Бог Адама», странствия которого прослеживаются от Аравийского полуострова до Киевской Руси. Затронуты такие мифологемы, как борьба Саваофа с Сатаной за еще неодушевленное тело Первочеловека, создание Евы из левого ребра Адама и творение собаки — богатого архаической символикой образа, который выводит автора на закономерную, но от того не менее интересную параллель с зороастрийской космогонией, с той важной ролью, что играют в ней псы. Продемонстрировать ее призван прилагаемый перевод ривайата парсийского богослова, представляющего как зеркальное отражение мусульманской легенды. Завершает этот раздел публикация М. Толстолуженко — критическое издание и русский перевод ряда глав из «Книги сокровищ» западносирийского теолога Иакова бар Шакко, в которых тот углубляется в вопрос Божественного предопределения, неизменно волновавший и его мусульманских «коллег».

Ветхо- и новозаветные книги и апокрифическая письменность библейского круга — тема третьего раздела — образуют семантическое пространство со множеством взаимосвязей и параллелей между различными культурами христианского (да и не только христианского) Востока. Центральное место в этом текстовом массиве занимает литературная продукция, создававшаяся на сирийском и арабском (часто на обоих одновременно). Д. Морозов в своем критическом обзоре филологических исследований, связанных с арабскими версиями Библии, опубликованных в России за последние два десятилетия, намечает в общих чертах и целый ряд перспективных направлений библеистических штудий в контексте отечественной арабистики. С позиций искусствоведа А. Саминский обследует иллюстрации к арабскому «Евангелию Детства Спасителя» в рукописи, созданной в 1299 г. священником и врачом Исааком ибн Аби-л-Фараджем, уроженцем месопотамского Мардина. Весьма интересен прилагаемый им изобразительный материал, где на примере своего рода «прикладной» иконографии

показаны особенности соотношения письма и рисунка в арабо-христианской рукописной традиции. Апокрифическим сюжетам детства Спасителя посвящено восточносирийское песнопение-*онита* из сборника «Варда», представленное публикацией А. Притулы, содержащей, помимо оригинального текста гимна и его русского перевода, развернутый литературоведческий анализ этого образчика позднесирийской гимники.

Теория и практика мистико-аскетического делания освещаются в публикациях следующего раздела. Г. Кессель концентрирует внимание на бытовании сирийского аскетического текста — «Книги увещаний» Авраама бар Дашандада, который сохранился как фрагмент арабской версии «Послания о превосходстве воздержания» Илии Нисивинского. После краткого обзора «Послания» и его источников, а также биографии Бар Дашандада — фигуры столь же примечательной, сколь и слабоизученной в духовной истории восточных сирийцев, автор рассматривает переработку его сочинения у Илии, обсуждает, в частности, вопросы аутентичности протографа и адекватности переложения с сирийского на арабский, параллельно отмечая специфические черты рукописной традиции, характерные для произведений подобного рода в целом. А. Трейгер в своем материале представляет письменный памятник, свидетельствующий о переводческой деятельности среди палестинско-синайских монашеств (анонимный халкидонитский трактат «Умный рай»), и указывает на пути продолжения церковной письменности византийской традиции в арабоязычной среде.

Статьи следующего раздела центрируются вокруг тех или иных аспектов литературного творчества сирийцев и арабов. Статья К. Дмитриева посвящена творчеству поэтов-христиан, обретавшихся при дворе лахмидских царей в Хире, с особым вниманием к вакхическому жанру *хамрийят* и своеобразной (в ряду прочих джахилийских певцов, позднее почитавшихся классиками) личности Ади ибн Зайда. Автор обращается к истокам «винной лирики» в доисламском стихотворстве. К исследованию прилагается текст и перевод одной из касыд Ади, вписывающейся в рамки этой традиции, которым сопутствует детальный социолингвистический комментарий. Работа Ю. Аржанова, в которой разобраны особенности сирийских версий изречений Менандра в их сопоставлении с греческими и арабскими, может служить своеобразной иллюстрацией к истории переработки и циркуляции античной классики в ближневосточном ареале.

Обширные эксцерпты из нарративных памятников по истории восточно-христианства представлены в последнем разделе. Ю. Фурман впервые осуществила русский перевод тех книг «Всемирной истории» монаха Йоханнана бар Пенкайе, где повествуется о первых десятилетиях арабского господства над Сиро-Месопотамским регионом. Речь идет об одном из ярчайших примеров восточносирийского видения великих потрясений, которые затронули Плодородный полумесяц в середине — конце VII в.; ценности придает ему и тот факт, что автор — современник описываемых событий. С учетом сравнительно небольшого количества русских версий сирийских летописей (трудно вспомнить в этом плане что-либо, освещающее внецерковную проблематику, помимо работ Н. В. Пигулевской и Р. А. Гусейнова, увидевших свет в основном до 70-х гг.) это нельзя не назвать многообещающим вкладом в освоение российским востоко-

ведением хронографической литературы сирийцев. Следом помещена столь же существенная комментированная интерпретация части монументального энциклопедического труда («Свет зари для страдающего куриной слепотой») служащего канцелярии мамлюкского двора ал-Калкашанди, в которой он излагает собранные им сведения о христианстве и его исповеданиях. Это — один из немногих отрывков из классической компиляции египетского бюрократа-эрудита XV в., с которым может ознакомиться русскоязычный специалист, не владеющий арабским, благодаря прекрасному переводу Н. Селезнева под редакцией Д. Морозова. Морозовым же выполнено завершающее весь выпуск первое издание двух частных писем, одновременно отправленных в 1732 г. из Санкт-Петербурга, судя по всему, в Рим и в маронитское селение Густа на Ливане — можно сказать, лишнее доказательство того, что мир тесен, в том числе и в особенности для подвижных христиан Большой Сирии с их внушительным внешнеполитическим и деловым кругозором. Одновременно это два любопытных образчика письменного арабского языка позднеосманского Леванта, где классическая грамотность вынуждена заметно потесниться перед натиском разговорно-диалектного начала с его характерными аграмматизмами (с пуристской точки зрения, разумеется) и переборами в отражении нормативной фонетики.

Подводя итог, хочется отметить, что 58-й номер «Символа» дает широкую панораму интеллектуального, эстетического, мифопоэтического наследия христианского мира Ближнего Востока во всем его многообразии и разнонаправленности векторов развития. Обилие выполненных на высоком уровне переводов с сирийского и арабского придает номеру особо представительный характер и дает основания надеяться и на более масштабные труды, которые приблизили бы конкретные письменные памятники сиро-арабской христианской литературы (богословской, мистической, дидактической, хронографической) к российскому реципиенту (равно специалистам и «непосвященным»). Отдельно стоит подчеркнуть высокий уровень технического оформления выпуска, особенно существенного, когда речь идет о «симбиозе» на одних и тех же страницах арабской, греческой и сирийской (эстрангело и несторианской) графики.

*Т. К. Кораяев
(ИСАА МГУ)*

Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1006 с.

В последние годы заметно повышение исследовательского интереса к истории духовного образования и богословской науки в России. Обращается внимание на вклад, внесенный духовно-учебным миром в отечественную науку, культуру, литературу, историю. Ежегодно выходят статьи и монографии, посвященные тем или иным аспектам духовного образования, областям богословской науки, конкретным их представителям. Но и на фоне этого многообразия появление труда